П. А. Крапоткин.

(Сокращено).

Представительное правительство.

Дух разрушенія, есть в то же время, созидающій дух.

М. Бакунин.

Цѣна 5 коп.

Издательство
„Своводная Коммуна“.

5К

3 й экз

„Прав 38“

Типогр. И. Я. Полякова. Б. Семеновская ул., Барабанный пер., соб. д.

Представительное правительство.

I.

Рабочіе классы поняли ту простую истину, что человѣчество будетъ продолжать прозябать при современномъ политическомъ строѣ, пока существуетъ капиталистическій режимъ. Они знаютъ, что всѣ виды политической власти, несмотря на ихъ красивыя названія, основаны на господствѣ сильнаго, возведенномъ въ систему, на развратѣ, на подавленіи всякой свободы, всякаго прогресса и что измѣнить все это можно только установленіемъ экономическихъ отношеній, основанныхъ на принципѣ общественной собственности. Они знаютъ, что глубокая и плодотворная политическая революція немыслима безъ экономической.

Обратно, при связи, существующей между политическимъ и экономическимъ строемъ, переворотъ въ способахъ производства и распредѣленія продуктовъ не можетъ произойти безъ политической революціи.

Уничтоженіе частной собственности и эксплоатаціи, установленіе коммунистическаго строя неосуществимы при нашихъ парламентахъ и королях.

Новый экономическій строй требуетъ новаго политическаго; эта истина проникла въ сознаніе массъ: народная мысль стремится разрѣшить одновременно оба эти вопроса. Она работаетъ надъ сознаніемъ лучшаго экономическаго и политическаго будущаго; рядомъ со словомъ «Коммунизмъ» мы слышимъ слова: Рабочее Государство, Свободная Коммуна, Анархія, или: анархическая Коммуна — безначальная община.

Вы хотите, чтобы ваша работа была плодотворна? Освободитесь прежде всего отъ тысячи предразсудковъ, которые вамъ внушили!» — Этими словами начинаетъ свои лекціи одинъ знаменитый астрономъ: они приложимы ко всѣмъ отраслямъ знанія; къ соціальнымъ же наукамъ, болѣе чѣмъ къ естественнымъ. Съ первыхъ же шаговъ этой области мы наталкиваемся на массу предразсудковъ, завѣщанныхъ намъ прошлыми вѣками, ложныхъ идей, распространенныхъ съ цѣлью обмануть народъ, чтобы направить на ложный путь народную мысль.

Среди всѣхъ этихъ предразсудковъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ тотъ, который лежитъ въ основѣ современныхъ политическихъ организацій и проявляется почти во всѣхъ соціальныхъ теоріяхъ. Этотъ предразсудокъ—вѣра *въ представительное правительство.*

Въ концѣ прошлаго вѣка французскій народъ свергнулъ монархію и послѣдній изъ королей искупилъ на эшафотѣ свои грѣхи и грѣхи своихъ предшественниковъ.

Тогда же выяснилось, что все великое, хорошее, что дала революція, было дѣломъ отдѣльныхъ лицъ и группъ, достигшихъ своей цѣли, благодаря разстройству и слабости центральнаго правительства.

Казалось, что именно въ эту эпоху народъ не долженъ былъ искать гнета новаго правительства, основаннаго на тѣхъ же принципахъ, какъ и только-что свергнутое.

Но находясь подъ вліяніемъ предразсудковъ и введенный въ заблужденіе кажущейся свободой и мнимымъ благосостояніемъ конституціонныхъ государствъ Америки и Англіи, французскій народъ поспѣшилъ учредить у себя конституцію,—конституціи, которыя онъ преобразовывалъ безъ конца, не измѣняя однако принципу представительнаго правительства. Монархія или республика, не все ли равно! Народъ не свободенъ: онъ управляется представителями, болѣе или менѣе удачно выбранными. Онъ провозглашаетъ свою свободу, свои права, и самъ же спѣшитъ отречься отъ нихъ. Онъ избираетъ депутатовъ и поручаетъ имъ разобраться въ безконечномъ разнообразіи смѣшанныхъ интересовъ и сложныхъ человѣческихъ отношеній.

Такъ и Россія стремится свергнуть иго камарильи, чтобы замѣнить его болѣе сноснымъ игомъ представительнаго собранія.

Ужаснѣе всего то, что Россія, открывая новые пути, не можетъ освободиться отъ старыхъ предразсудковъ. Мы имѣемъ примѣръ Франціи, когда французскій народъ, разочарованный въ конституціонной монархіи, свергаетъ ее, но на слѣдующій день онъ провозглашаетъ новое правительство, основанное на старыхъ началахъ—правительство, готовое предать народъ въ руки какого-нибудь злодѣя, который навлечетъ на прекрасныя долины Франціи нашествіе непріятелей.

Черезъ двадцать лѣтъ онъ повторяетъ ту же ошибку. Видя, что Парижъ покинутъ войсками и правительствомъ, народъ, предоставленный самому себѣ, не пытается установить той новой формы политической жизни, которая привела бы къ новому экономическому режиму. Замѣнивъ слово Имперія—Республикой, а это послѣднее — Коммуной, онъ и здѣсь прибѣгаетъ къ представительной системѣ. Онъ передаетъ свои права и власть выборному собранію и поручаетъ ему создать ту новую форму человѣческихъ отношеній, которая дала-бы Коммунѣ силу и жизнь.

Даже въ теоріи мы встрѣчаемъ тоже поклоненіе представительному принципу. Многіе реформаторы, разсматривая современное экономическое положеніе, требуютъ полнаго преобразованія способовъ производства и обмѣна и уничтоженія капиталистическаго режима. Но какъ только дѣло дойдетъ до ихъ политическаго идеала, они не рѣшаются коснуться представительной системы; въ Рабочемъ Государствѣ, и даже въ свободной Коммунѣ они стремятся сохранить представительное правительство.

Прослѣдимъ за развитіемъ представительнаго правительства. Мы имѣемъ возможность это сдѣлать. Оно существуетъ въ Западной Европѣ во всемъ разнообразіи своихъ формъ — отъ умѣренной монархіи до революціонной коммуны. На него возлагали столько надеждъ, а оно явилось орудіемъ интригъ и личнаго обогащенія, препятствіемъ для развитія народа и проявленія его иниціативы. Теперь уже понимаютъ, что недостатки представительнаго правительства не являются продуктомъ соціальнаго неравенства; осуществленное въ средѣ, въ которой капиталъ и трудъ равномѣрно распредѣлены между всѣ-

ми, оно придетъ къ тѣмъ-же печальнымъ послѣдствіямъ. Не далекъ тотъ день, когда форма правленія, возникшая изъ стремленія защитить себя отъ когтей и клюва короля-коршуна, уступитъ мѣсто политической организаціи, созданной насущными потребностями человѣчества и основанной на слѣдующемъ принципѣ: настоящая свобода заключается въ томъ, чтобы каждый самъ устраивалъ свои дѣла, не предоставляя ихъ на волю Провидѣнія или выборнаго собранія.

Такое же заключеніе долженъ сдѣлать всякій, кто пойметъ, что главные недостатки правительственной системы присущи ей, какъ таковой, а не зависятъ отъ формы и мѣста ея примѣненія.

II.

Буржуазія послѣ долгихъ сопротивленій согласилась принять всеобщую подачу голосовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ всеобщая подача голосовъ дѣйствуетъ уже около вѣка въ условіяхъ полной свободы; во Франціи и Германіи она тоже проложила себѣ путь. Но представительный режимъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ и раньше; всеобщая подача голосовъ не измѣнила его: она только способствовала выясненію его недостатковъ. Вотъ почему теперь не только анархисты-коммунисты возстаютъ противъ этой системы, но и люди болѣе умѣренные кричатъ: «остерегайтесь парламентаризма!» Можно, основываясь на общепризнанныхъ фактахъ, написать цѣлые томы о непригодности этой системы и найти сочувствіе среди читателей. Представительное правительство было предано суду—и приговорено.

Его приверженцы постоянно указываютъ намъ на заслуги этого режима. Мы обязаны ему, говорятъ они, нашей политической свободой, о которой не могло быть и рѣчи при абсолютной монархіи.

Но, въ сущности говоря, не представительный режимъ далъ и гарантировалъ свободу. Эту свободу, такъ же какъ и народное представительство вырвалъ у правительствъ могучій потокъ народной мысли, рожденный революціей; духъ свободы и возстанія съумѣлъ сохранить ихъ, несмотря на постоянныя посягательства правительствъ и парламентовъ. Представительное правительство добровольно не даетъ народу никакихъ правъ и не пренебрегаетъ деспотизмомъ. Права приходится у него вырывать и защищать съ оружіемъ въ рукахъ, какъ во времена неограниченной монархіи. Да и это возможно лишь въ странахъ, гдѣ состоятельный классъ жаждетъ этихъ правъ и готовъ ихъ защищать противоправительственной агитаціей. Тамъ же, гдѣ этотъ классъ молчитъ, политическая свобода не можетъ существовать, будетъ-ли въ странѣ народное представительство или нѣтъ. Палата въ этихъ странахъ уподобляется прихожей королей. Примѣромъ тому служатъ парламенты Балканскаго полуострова, Австріи и Турціи.

Приверженцы представительнаго правительства постоянно указываютъ на свободу и права англійскаго народа и приписываютъ ихъ парламенту. Они забываютъ, какимъ рядомъ мятежей и возстаній эти права были завоеваны. Свобода печати, свобода союзовъ, свобода собраній,—все это было вырвано у парламента подъ угрозой возстанія.

Трэдъ-юніонами, стачками противъ парламентскихъ постановленій и разгромомъ фабрикъ, англійскіе рабочіе завоевали себѣ право союзовъ

и стачекъ. Избивая полицію балясниками рѣшетки Hyde-Park'a, лондонскій народъ принудилъ конституціонное министерство дать ему право манифестацій на улицахъ и въ паркахъ столицы. Не парламентскими дебатами, а противо-парламентской агитаціей и угрозой поднять сотни тысячъ бѣдняковъ, готовыхъ разгромить министерства и дворцы аристократовъ, англійская буржуазія защищаетъ свою свободу. Что касается парламента, то онъ все время посягаетъ на политическія права народа и упраздняетъ ихъ однимъ росчеркомъ пера, не хуже любого короля, когда ему грозитъ возстаніе массъ. Куда дѣвалась неприкосновенность жилищъ и корреспонденціи, какъ только буржуазія уступила эти права правительству, чтобы оно защищало ее отъ революціонеровъ.

Приписывать парламентамъ то, что сдѣлано человѣчествомъ, надѣяться, что конституція можетъ дать свободу—это грѣшить противъ исторической правды.

Парламентъ—это сдѣлка со старымъ порядкомъ, сохранила правительству неограниченную власть и подчинилъ его дѣйствія мнимому контролю народа. Теперь онъ отжилъ свой вѣкъ и служитъ тормазомъ для прогресса человѣчества. Его недостатки не зависятъ отъ лицъ, стоящихъ у власти, они присущи самой системѣ и такъ глубоко вкоренились въ него, что никакое преобразованіе не приспособитъ его къ требованіямъ нашего времени.

Представительный порядокъ правленія—это организованное господство буржуазіи, исчезнетъ вмѣстѣ съ ней. Наступающая экономическая фаза требуетъ новой политической организаціи, не имѣющей ничего общаго съ представительствомъ.

Представительному правительству присущи всѣ недостатки правительства. Оно не только не умѣетъ ихъ сгладить, но даже создаетъ новые.

Представительное правительство, называется-ли оно Парламентомъ, Конвентомъ, или какимъ-нибудь другимъ нелѣпымъ именемъ, назначено-ли оно или архи-свободно избрано населеніемъ возставшаго города, — всегда стремится подобно деспотамъ расширить свои права, вмѣшиваясь во всѣ проявленія жизни, замѣняя законами свободную инициативу отдѣльныхъ лицъ и группъ. Оно забираетъ въ свои когти человѣка съ самаго дѣтства и ведетъ его до могилы отъ закона къ закону, отъ угрозы къ наказанію, никогда не выпуская его изъ-подъ своей опеки. Приходилось-ли вамъ слышать, чтобы выборное правительство объявило себя не свѣдующимъ по какому-либо вопросу?

Подчинять своимъ законамъ всѣ проявленія человѣческой дѣятельности, вникать въ мельчайшія подробности жизни «своихъ подданныхъ»—вотъ цѣль государства и правительства. Правительство, будь оно конституціоннымъ или нѣтъ, стремится распространить свою власть, на всѣ проявленія общества, не останавливаясь ни передъ какими преградами, кромѣ агитаціи и возстанія. Парламентское правительство,—оно уже доказало это,—не составляетъ исключеній.

Государство, говорятъ намъ, имѣетъ цѣлью защищать слабаго отъ сильнаго, бѣднаго отъ богатаго, трудящіеся классы отъ классовъ при-

вилегированныхъ. Мы знаемъ, какъ правительства исполнили это назначеніе: они поняли ее въ обратномъ смыслѣ. Вѣрныя своему происхожденію, правительства, вообще, являются покровителями привилегированныхъ противъ угнетенныхъ. Представительное правительство, въ частности, организовало защиту промышленной и коммерческой буржуазіи отъ аристократіи, съ одной стороны, и эксплоатируемаго народа съ другой; изысканно вѣжливое и заискивающее передъ аристократами, оно поражаетъ своей жестокостью по отношенію къ пролетаріямъ. Вотъ почему самый пустячный законъ, охраняющій трудъ, долженъ быть вырванъ у парламента путемъ упорныхъ возстаній. Вспомните, цѣной какой борьбы, какихъ усилій удалось добиться отъ англійскихъ парламентовъ, швейцарскаго федеративнаго совѣта и французскихъ палатъ, нѣсколькихъ жалкихъ законовъ объ ограниченіи рабочаго дня. Впервые они были получены въ Англіи; рабочимъ удалось завоевать ихъ лишь путемъ разгрома фабрикъ.

Въ странахъ, гдѣ революція не лишила аристократіи ея значенія, дворянство прекрасно уживается съ буржуазіей.— «Признай, аристократъ, за мною право издавать законы, говоритъ буржуа, а я буду охранять твои дворцы». И онъ честно исполняетъ свое обѣщаніе, пока ему не грозитъ опасность.

Но когда капиталистамъ угрожаетъ хоть малѣйшая опасность со стороны возставшаго народа, тогда представительное правительство, этотъ органъ господства капитала, сумѣетъ показать свою силу. Оно избиваетъ возставшихъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такой жестокостью и подлостью, на которыя не способенъ ни одинъ деспотъ. Ни Екатерина II послѣ Пугачевскаго бунта, ни Людовикъ XVI не проявляли той жестокости, съ которой національныя собранія 1848 и 1871 г. 1871 года обрушились на беззащитную толпу. «*Убивайте этихъ волковъ, волчицъ и волчатъ!*—кричали члены этихъ собраній и поздравляли, опьяненныхъ кровью, солдатъ съ ихъ блестящей побѣдой.

Безымянный звѣрь о 600 головахъ превзошелъ Людовика XI и Іоанна Грознаго.

Положеніе дѣлъ не измѣнится, пока будетъ существовать представительное правительство, будетъ-ли оно регулярно избираться народомъ или само провозгласитъ себя при первыхъ искрахъ возстанія.

Можетъ быть, настанетъ экономическое равенство, и тогда равноправные и свободные граждане не передадутъ своихъ правъ въ руки избранныхъ,—они создадутъ новую политическую организацію и сами будутъ вести свои дѣла.

Или опять меньшинство, какое-нибудь четвертое сословіе, состоящее изъ привилегированныхъ буржуа, захватитъ въ свои руки экономическое господство надъ массами и тогда — горе угнетеннымъ! Представительное правительство, избранное этимъ меньшинствомъ, будетъ дѣйствовать въ его интересахъ. Оно издастъ законы, охраняющіе привилегіи этой новой буржуазіи, и силой оружія подчинитъ себѣ непокорныхъ.

Немыслимо здѣсь разобрать всѣ недостатки представительнаго правительства. Для этого надо было бы написать цѣлые томы. Ограни-

чимся разсмотрѣніемъ только самыхъ существенныхъ недостатковъ. Одинъ изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Удивительное дѣло! Представительное правительство имѣло цѣлью положить конецъ единоличному правленію; оно должно было передать власть въ руки цѣлаго класса, а между тѣмъ мы видимъ, что оно стремится подчиниться одному лицу.

Причина этой аномаліи ясна. Въ наше время правительство вооружено тысячами и тысячами полномочій; ему вручены всѣ дѣла страны и данъ бюджетъ въ нѣсколько милліардовъ. Можетъ-ли безпорядочное парламентское собраніе взять на себя веденіе всѣхъ этихъ неисчислимыхъ дѣлъ? Пришлось назначить исполнительную власть,— министерство,— которое облечено всѣми признаками королевской власти. Парламентъ можетъ, конечно, замѣнить одно министерство другимъ: но новое будетъ облечено тѣми же полномочіями и имѣть тѣ же недостатки, что и старое; если бы палата была послѣдовательна, оно не просуществовало бы болѣе недѣли. Вотъ почему она мирится съ существующимъ министерствомъ, пока страна не высказываетъ своего протеста.

Но если парламентъ нападетъ на ловкаго министра, который гарантируетъ странѣ «порядокъ», т.-е. эксплоатацію внутри государства и сбытъ на внѣшнихъ рынкахъ,—тогда она подчиняется всѣмъ его капризамъ и вооружаетъ его все новыми и новыми полномочіями. Съ какимъ бы презрѣніемъ онъ ни относился къ конституціи, каково бы ни было его правленіе, парламентъ мирится со всѣмъ; преслѣдуя его въ мелочахъ, она даетъ ему полную свободу дѣйствій во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Примѣромъ тому служитъ Бисмаркъ.

Это вполнѣ понятно: всякое правительство стремится стать единоличнымъ; таковы его происхожденіе и сущность.. Избранъ-ли парламентъ путемъ всеобщей подачи голосовъ или нѣтъ, будетъ-ли онъ состоять исключительно изъ рабочихъ,—онъ одинаково будетъ стремиться подчиниться одному лицу и передать ему всѣ заботы о правленіи. Пока мы будемъ поручать рѣшеніе всѣхъ вопросовъ экономическихъ, политическихъ, военныхъ, финансовыхъ, промышленныхъ и т. д. небольшой группѣ, она, подобно отряду солдатъ во время похода, будетъ стремиться найти себѣ начальника.

Таково положеніе дѣлъ во время затишья. Но, пусть на границѣ появится непріятель, пусть внутри страны вспыхнетъ гражданская война—и тогда первый попавшійся властолюбецъ, какой-нибудь авантюристъ, захватитъ въ свои руки управленіе государственной машиной. Правительство не посмѣетъ препятствовать ему, напротивъ, оно будетъ парализовать сопротивленіе народа. Оба авантюриста, носящіе имя Бонапарта, не были случайнымъ явленіемъ, они неизбѣжное послѣдствіе концентраціи власти. Относительно того, насколько парламенты способны сопротивляться государственнымъ переворотамъ, Франція можетъ намъ разсказать много интереснаго. Намъ опять приведутъ въ примѣръ Англію. Но пусть она не хвастаетъ, что ея парламентскія постановленія остались неизмѣнными въ теченіе XIX вѣка. Она сумѣла за это время избѣгнуть классовой борьбы, но все предвѣщаетъ ея приближеніе и не трудно предсказать, что парламентъ не выйдетъ цѣлымъ изъ этой борьбы: его гибель неизбѣжна.

Если мы хотимъ во время будущей революціи открыть двери реакціи, можетъ быть даже монархіи, достаточно передать наши дѣла представительному правительству. Реакціонная диктатура не заставитъ себя ждать; имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ орудія власти, она не замедлитъ утвердить свое господство.

Но не способствуетъ-ли представительное правительство, этотъ источникъ столькихъ несчастій, мирному и прогрессивному развитію общества? Содѣйствуетъ-ли оно децентрализаціи власти, препятствуетъ-ли возникновенію войнъ? Способно-ли оно понять потребности времени и пожертвовать устарѣлыми институтами, чтобы избѣгнуть гражданской войны? Обезпечиваетъ-ли оно прогрессъ внутри страны?

Какой горькой ироніей дышатъ эти вопросы! Исторія нашего времени убѣждаетъ насъ, что представительное правительство не идетъ навстрѣчу ни одной изъ этихъ потребностей.

Парламенты, вѣрные традиціямъ королевской власти и ея видоизмѣненію — сконцентрировали власть въ рукахъ правительства. Крайній бюрократизмъ — характеристика представительнаго правительства. Съ начала вѣка идутъ разговоры о децентрализаціи, автономіи, а правительство усиливаетъ централизацію, уничтожаетъ всякіе признаки автономіи. Швейцарія уже подверглась этому вліянію, Англія готова ему подчиниться. Правительство понемногу подчиняетъ своей власти всѣ проявленія государственной жизни; ему не удается только захватить въ свои руки веденіе промышленности, торговли, производства и потребленія. Но соціалъ-демократы, ослѣпленные правительственными предразсудками, мечтаютъ о днѣ, когда они будутъ въ парламентѣ завѣдывать организаціей производства и потребленія для всей Россіи.

Спасетъ-ли насъ это, якобы миролюбивое, правительство отъ разрушительныхъ войнъ? Конечно, нѣтъ! Никогда не истребляли другъ друга съ такой яростью, какъ при представительномъ режимѣ. Буржуазія ищетъ преобладанія на рынкахъ, а его можно завоевать лишь гранатами и картечью. Адвокаты и журналисты жаждутъ военной славы и съ этой цѣлью изощряются въ краснорѣчіи, ведутъ дипломатическіе споры, которые большею частью кончаются кровопролитіемъ.

Идетъ-ли парламентъ навстрѣчу требованіямъ времени? Упраздняетъ-ли онъ институты, пришедшіе въ упадокъ? Какъ у членовъ Конвента приходилось съ оружіемъ въ рукахъ вырывать признаніе уже свершившихся фактовъ, такъ теперь только упорнымъ возстаніемъ можно добиться отъ «представителей народа» малѣйшей реформы.

Что касается усовершенствованій самого представительнаго режима, то никакое обновленіе не вдохнетъ въ него жизнь. Онъ пришелъ въ упадокъ и теперь близокъ къ смерти. Уже давно на западѣ говорили о разложеніи парламента. Теперь это смрадное болото вызываетъ отвращеніе у всѣхъ близко стоящихъ къ нему.

Но, можетъ быть, новый элементъ, элементъ рабочихъ, вольетъ въ него струю свѣжей крови. Приглядимся къ представительнымъ собраніямъ, прослѣдимъ за ихъ дѣятельностью и мы поймемъ, что мечтать объ ихъ обновленіи такъ же наивно, какъ сочетать бракомъ

короля съ крестьянкой въ надеждѣ получить новое здоровое поколѣніе молодыхъ королей!

III.

Недостатки представительныхъ собраній покажутся намъ вполнѣ естественными, если мы вспомнимъ, какъ набираются ихъ члены и приглядимся къ ихъ дѣятельности. Не стану воспроизводить ужасной и омерзительной картины выборовъ. Въ буржуазной Англіи и демократической Швейцаріи, во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, въ Германіи и Аргентинской республикѣ—вездѣ повторяется одна и та же гнусная комедія. Не стану разсказывать, какъ агенты и избирательные комитеты проводятъ своихъ кандидатовъ, какъ они раздаютъ направо и налѣво обѣщанія: въ собраніяхъ сулятъ политическія реформы, частнымъ лицамъ—мѣста и деньги; какъ они проникаютъ въ семьи избирателей и тамъ льстятъ матери, хвалятъ ребенка, ласкаютъ собачку страдающую астмой, или любимаго котенка. Какъ они разсыпаются по ресторанамъ, заводятъ между собой вымышленные споры, завязываютъ съ избирателями разговоры, стараясь поймать ихъ на словѣ, подобно шулерамъ, стремящимся завлечь васъ въ азартную игру. Какъ послѣ всѣхъ этихъ махинацій кандидатъ заставляетъ себя просить и наконецъ появляется среди «дорогихъ избирателей» съ благосклонной улыбкой на губахъ, со скромнымъ взоромъ и вкрадчивымъ голосомъ,—совсѣмъ какъ старая мегера, старающаяся поймать жильца ласковой улыбкой и ангельскими взглядами.

Не стану перечислять лживыхъ программъ—одинаково лживыхъ,—будь они «кадетскими» или соціаль-демократическими, программъ, которымъ не вѣритъ ни одинъ изъ кандидатовъ, защищающихъ ихъ съ жаромъ, съ дрожью въ голосѣ, съ пафосомъ, достойнымъ сумасшедшаго или ярмарочнаго актера.

Не даромъ народъ западной Европы въ своихъ комедіяхъ сталъ теперь изображать на ряду съ мошенниками, Тартюфами и банковскими плутами—народныхъ представителей, бѣгающихъ за избирателями и выманивающихъ у нихъ голоса.

Не стану приводить здѣсь смѣты расходовъ по выборамъ. Не стану воспроизводить списокъ расходовъ избирательныхъ агентовъ, въ которые занесены телячьи окорока, фланелевые жилеты и разныя сладости, купленныя кандидатомъ для «дорогихъ дѣтей» избирателей. Не стану упоминать о расходахъ на моченыя яблоки и тухлыя яйца, предназначенныя «для смущенія противника», которые отягощаютъ бюджетъ Соединенныхъ Штатовъ, также какъ и о расходахъ на разныя объявленія и «маневры въ послѣдній часъ передъ выборами», которые играютъ такую видную роль при выборахъ во всѣхъ государствахъ Европы.

А когда выступаетъ правительство съ своими «мѣстами», сотней тысячъ «мѣстъ», предлагаемыхъ тому, кто больше за нихъ заплатитъ, съ своими орденами, съ своей протекціей, обѣщанной въ мѣстахъ азартной игры и разврата, съ своей постыдной прессой, съ своими шпіонами, съ мошенниками, судьями и агентами...

Но довольно, оставимъ эту грязь! Есть ли хоть одна страсть, самая низкая, самая гнусная, которая не появилась бы на сцену въ

день выборовъ? Обманъ, клевета, лицемѣріе, ложь, самыя низкія проявленія человѣка-звѣря—вотъ картина страны во время выборовъ.

Таково положеніе дѣлъ, и оно не измѣнится, пока люди будутъ назначать себѣ начальниковъ и терпѣть ихъ господство. Создайте общество изъ свободныхъ и вполнѣ равноправныхъ рабочихъ, и въ тотъ день, когда они захотятъ избрать себѣ правителей—у нихъ повторится та же гнусная исторія. Можетъ быть не будутъ больше подносить телячьихъ окороковъ, но ложь и лесть останутся въ силѣ и моченыя яблоки не будутъ забыты. Да и можно ли ждать чего-либо хорошаго, когда люди торгуютъ своими самыми священными правами.

Въ самомъ дѣлѣ, мы поручаемъ избирателямъ найти человѣка, которому можно было бы передать право подчинять законамъ всѣ проявленія нашей жизни, распоряжаться всѣмъ, что у насъ есть самаго дорогого: нашими дѣтьми, трудомъ и правами. Найти человѣка, который вмѣстѣ съ другими избранными, губилъ бы нашихъ дѣтей, запиралъ ихъ на три, а если ему вздумается на десять лѣтъ, въ казармы и посылалъ бы на вѣрную смерть, когда ему захочется вести войну. Человѣка, который могъ бы по своему желанію открывать и закрывать университеты, принимать и исключать студентовъ. Онъ будетъ располагать въ годъ двумя милліардами, отнятыми у бѣдняковъ. У него будетъ царское право назначать исполнительную власть, которая своимъ деспотизмомъ и тиранiей не уступитъ королевской. Царь имѣетъ въ распоряженіи десятки тысячъ чиновниковъ, а онъ — сотни тысячъ; царь употребляетъ на удовлетвореніе своихъ прихотей нѣсколько жалкихъ мѣшковъ золота, а конституціонный министръ искусственнымъ повышеніемъ бумагъ на биржѣ въ одинъ день „честно" наживетъ милліоны.

Неудивительно, что страсти разгораются, когда дѣло идетъ о выборѣ повелителя, облеченнаго такою властью. Пока будутъ торговать царскими правами, ничто не можетъ быть измѣнено: выборы останутся ярмаркой тщеславія и совѣсти.

Если бы даже уменьшили права депутатовъ и обратили бы каждую общину въ маленькое государство, то положеніе дѣлъ не измѣнилось бы.

Мы не отрицаемъ окончательно права передачи своей власти выборнымъ делегатамъ. Сто—двѣсти человѣкъ, встрѣчающіеся ежедневно на общей работѣ и хорошо знающіе другъ друга, обсудили со всѣхъ сторонъ какой-нибудь вопросъ и пришли къ вполнѣ опредѣленному заключенію; тогда они выбираютъ кого-нибудь изъ своей среды и посылаютъ его для переговоровъ по этому дѣлу съ другими делегатами. Такимъ образомъ выборы происходятъ вполнѣ сознательно; каждый имѣетъ ясное представленіе о томъ, что онъ можетъ поручить своему делегату. Да и этотъ послѣдній долженъ будетъ только передавать другимъ делегатамъ тѣ соображенія, которыя привели его довѣрителей къ данному заключенію. Не будучи уполномоченнымъ рѣшить дѣла своею властью, онъ будетъ стремиться придти къ какому-нибудь соглашенію съ другими делегатами; ихъ предложенія онъ передастъ своимъ довѣрителямъ, которые по своему усмотрѣнію мо-

гуть принять ихъ или нѣтъ. Таково происхожденіе делегацій; когда однѣ коммуны посылали своихъ делегатовъ въ другія, у нихъ не было иныхъ полномочій. Такъ же поступаютъ въ наши дни метеорологи и статистики, когда они устраиваютъ международные конгрессы; къ тому же прибѣгаютъ делегаты желѣзнодорожныхъ компаній и почтовыхъ администрацій различныхъ государствъ.

Но, что требуется теперь отъ избирателей?

— Десять, двадцать тысячъ человѣкъ, которые не знаютъ другъ друга, никогда не встрѣчались, не имѣли общаго дѣла, должны выбрать одного представителя. Ему они поручатъ не изложеніе опредѣленнаго дѣла или защиту данной резолюціи: онъ долженъ будетъ знать все, рѣшать всевозможные вопросы, и его рѣшеніе будетъ закономъ.

Такого всевѣдующаго человѣка не найти. Но вотъ способный, здравомыслящій, честный гражданинъ, получившій нѣкоторое образованіе. Будетъ ли онъ избранъ? Конечно, нѣтъ! Едва двадцать человѣкъ, товарищей по училищу, знаютъ его и цѣнятъ его способности. Онъ никогда не прибѣгалъ къ рекламѣ, презираетъ всѣ пріемы легкаго успѣха, не стремится стать популярнымъ среди избирателей. При такихъ условіяхъ онъ не получитъ больше 200 голосовъ, да кандидатура его и не будетъ выставлена. Въ число депутатовъ попадетъ какой-нибудь адвокатъ или журналистъ, краснобай или писака, которые перенесутъ въ парламентъ нравы трибуны и газеты и будутъ увеличивать избирательное стадо министерства или оппозиціи. Можетъ быть, проскочитъ какой-нибудь купецъ, жаждущій получить званіе депутата, готовый издержать хоть 10000 рублей, чтобъ пріобрѣсти нѣкоторую извѣстность. А тамъ, гдѣ нравы по преимуществу демократическіе, какъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ комитеты легко учреждаются и до нѣкоторой степени ослабляютъ вліяніе капитала, тамъ въ депутаты изберутъ худшаго изъ всѣхъ: это будетъ человѣкъ, занимающійся политикой по профессіи, гнусное существо, ставшее язвой великой республики, шарлатанъ, который смотритъ на политику, какъ на промышленность, и примѣняетъ къ ней всѣ ухищренія крупной промышленности—рекламу, обманъ и развратъ.

Измѣняйте избирательную систему сколько вамъ угодно: замѣните баллотировку по округамъ баллотировкой по избирательнымъ спискамъ, введите двухстепенные выборы, какъ въ Швейцаріи (я говорю о подготовительныхъ собраніяхъ), примѣняйте ваши системы въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, преобразовывайте сколько угодно избирательныя коммиссіи,—избавиться отъ недостатковъ, присущихъ избирательной системѣ, какъ таковой, вамъ не удастся. Наибольшее число голосовъ (за рѣдкими исключеніями, большею частью, въ партіяхъ преслѣдуемыхъ правительствомъ) получитъ человѣкъ, ничтожный, безъ опредѣленныхъ убѣжденій, словомъ тотъ, который сумѣетъ удовлетворить всѣхъ.

Вотъ почему, парламенты стоятъ на такомъ низкомъ уровнѣ. Палата всегда ниже средняго уровня страны, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Если бы страна поклялась выбрать своими представителями круглыхъ невѣждъ, она не сумѣла бы сдѣлать этого лучше, чѣмъ при теперешнихъ выборахъ. Что касается

честности депутатовъ, мы знаемъ, какова ей цѣна. Прочтите только, что говорятъ о ней экс-министры, которые успѣли узнать депутатовъ и ихъ оцѣнить.

Какъ жаль, что нѣтъ спеціальныхъ поѣздовъ для избирателей, чтобъ они могли пріѣхать полюбоваться своей «палатой».

Они скоро почувствовали бы къ ней полное отвращеніе. Древніе народы напаивали рабовъ пьяными, чтобъ вселить въ дѣтяхъ отвращеніе къ пьянству. Граждане, подите въ Государственную Думу, послушайте вашихъ представителей, и вы навсегда откажетесь отъ представительнаго правительства.

И этому-то сброду ничтожностей народъ передаетъ всѣ свои права, за исключеніемъ права замѣнять отъ времени до времени однихъ депутатовъ другими. Но новое собраніе, составленное по старой системѣ, облеченное той же властью, будетъ имѣть тѣ же недостатки, какъ и предыдущее; вотъ почему большая часть избирателей перестала интересоваться этой комедіей и ограничивается лишь незначительными измѣненіями, принимая тѣхъ кандидатовъ, которые наиболѣе настойчиво навязываются.

Но если выборы заражены неисправимыми пороками, то что же сказать о томъ, какъ собраніе выполнятъ возложенныя на него обязанности. Вдумайтесь на мгновеніе, и вы поймете всю безплодность и нелѣпость задачи, которую мы предлагаемъ этому собранію.

Вашъ представитель долженъ будетъ подавать голосъ и имѣть опредѣленное мнѣніе относительно всего ряда безконечно-разнообразныхъ вопросовъ, которые возникаютъ въ этой огромной машинѣ, именуемой централизованнымъ государствомъ.

Онъ долженъ будетъ установлять налоги на собакъ и утверждать реформы по высшему образованію, когда ноги его не было въ университетѣ, и онъ никогда не видѣлъ деревенскихъ собакъ. Онъ долженъ будетъ защищать преимущества одной системы ружей передъ другими, выбирать мѣсто для помѣщенія управленія государственнаго коннозаводства, высказывать свое мнѣніе относительно земледѣлія и промышленности, начальнаго обученія и оздоровленія городовъ, говорить о Сибири и Кавказѣ, обсерваторіи и устройствѣ каминовъ. Не имѣя понятія о военномъ искусствѣ, онъ будетъ размѣщать военные корпуса; не зная жизни полковъ, онъ долженъ будетъ вмѣшиваться въ ихъ жизнь. Онъ будетъ покровительствовать сахарному производству, въ ущербъ воздѣлыванію пшеницы, убивать винодѣліе, стремясь способствовать его развитію, подавать голосъ за лѣсоводство, и въ то же время покровительствовать полеводству, убивать лѣсное дѣло. Онъ выскажется противъ прорытія даннаго канала, за проведеніе такой-то желѣзной дороги, не зная даже, въ какой части Россіи они проэктируются. Онъ введетъ новыя статьи въ уложеніе о наказаніяхъ, не заглянувъ даже въ него. Всевѣдующій и всемогущій, сегодня военный, завтра скотоводъ, потомъ банкиръ, академикъ, докторъ, астрономъ, аптекарь, фабрикантъ, купецъ, въ зависимости отъ порядка дня въ палатѣ, онъ никогда ни въ чемъ не будетъ сомнѣваться. Привыкшій, какъ адвокатъ, журналистъ и ораторъ публичныхъ собраній, говорить о томъ, чего онъ не знаетъ, онъ будетъ

смѣло рѣшать всѣ дѣла, съ той только разницей, что своей газетой онъ забавлялъ праздную публику, на судѣ пробуждалъ рѣчами дремлющихъ судей и присяжныхъ засѣдателей, а въ палатѣ его мнѣніе будетъ закономъ для 150-ти милліоновъ жителей.

Но такъ какъ немыслимо понимать и имѣть опредѣленное мнѣніе относительно всѣхъ вопросовъ, предложенныхъ палатѣ на рѣшеніе, онъ будетъ проводить время за выпивкой, сплетничать съ сосѣдями и писать письма, чтобъ разжѣчь энтузіазмъ своихъ «дорогихъ избирателей», въ то время, какъ министръ будетъ читать начиненный цифрами докладъ, написанный къ этому дню его секретаремъ. Въ моментъ же голосованія, вашъ представитель выскажется за или противъ доклада, въ зависимости отъ знака, поданнаго главаремъ его партіи.

Возникнетъ ли вопросъ о прокормленіи свиней или экипировки солдатъ—это послужитъ только поводомъ для парламентской стычки между партіями министерской и оппозиціонной. Вашимъ представителямъ совершенно безразлично нуждаются ли свиньи въ кормѣ, не нагружены ли солдаты подобно вьючнымъ животнымъ; они интересуются только тѣмъ, чтобъ своимъ голосомъ обезпечить большій успѣхъ своей партіи. Одержитъ ли верхъ министерство или оппозиція, это парламентское сраженіе одинаково ляжетъ тяжелымъ бременемъ на солдата, земледѣльца и рабочаго.

Указавъ вкратцѣ основные недостатки представительныхъ собраній, мы должны были бы перейти къ разсмотрѣнію ихъ дѣятельности. Намъ бы слѣдовало показать, что всѣ они, отъ Конвента до Совѣта Коммуны 1871 года, отъ англійскаго парламента до сербской скупщины, заражены одними и тѣми же пороками, что вся ихъ дѣятельность—ограничивается замѣной старыхъ законовъ новыми, завоеванными народомъ путемъ возстаній и цѣною крови. Но это отвлекло бы насъ въ сторону.

Впрочемъ, тѣ, въ комъ предразсудки, внушенные нашимъ порочнымъ воспитаніемъ, не убили окончательно здраваго смысла, найдутъ въ исторіи современнаго представительнаго правительства достаточно примѣровъ для подтвержденія нашей мысли. Они поймутъ, что будетъ ли представительное собраніе состоять изъ рабочихъ или буржуа, войдутъ ли въ него даже соціалисты-революціонеры,—оно сохранитъ всѣ недостатки представительнаго собранія, такъ какъ эти недостатки зависятъ не отъ состава даннаго собранія, а присущи самой системѣ.

Рабочее Государство, управляемое выборнымъ собраніемъ, одно изъ самыхъ зловредныхъ мечтаній, внушенныхъ намъ воспитаніемъ, признающимъ власть и авторитетъ.

Хорошій парламентъ также неосуществимъ, какъ желаніе видѣть въ . . . . . и Александрѣ III хорошихъ царей. Будущее соціализма пойдетъ по иному пути: оно откроетъ человѣчеству новые горизонты для усовершенствованія политическаго строя.

Великая Революція стала возможной только благодаря дезорганизаціи центральной власти, проявлявшей въ теченіе послѣднихъ лѣтъ полное свое безсиліе и сведенной на роль машины, записывающей факты, уже совершившіеся. Возстаніе городовъ и деревень, отказав-

шихся повиноваться и платить налоги, окончательно вырвало власть изъ рукъ правительства.

Буржуазія не могла примириться съ такимъ положеніемъ вещей. Она прекрасно знала, что народъ, уничтоживъ привилегіи аристократіи, не захочетъ признать привилегій городской и деревенской буржуазіи. Она рѣшила взять въ свои руки власть надъ нимъ, и это ей удалось. Съ этой цѣлью она стала апостоломъ представительнаго правительства и вотъ съ присущими ей организаторскими способностями и энергіей работаетъ надъ проведеніемъ въ жизнь этой идеи.

Но можетъ ли этотъ идеалъ быть нашимъ идеаломъ? Могутъ ли соціалисты мечтать о буржуазной революціи? Могутъ ли они стремиться усилить центральное правительство, предоставляя ему экономическое господство; передадутъ ли они управленіе всѣми дѣлами, политическими, экономическими и соціальными представительному правительству? Должна ли эта сдѣлка между царемъ и буржуазіей стать идеаломъ соціалистовъ?

Конечно, нѣтъ!

Новой экономической фазѣ соотвѣтствуетъ новая политическая фаза. Глубокій переворотъ, о которомъ мечтаютъ соціалисты, не совмѣстимъ съ политическими формами прошлаго. Новое общество, основанное на полномъ равенствѣ всѣхъ условій, на общественномъ владѣніи орудіями труда, не сумѣетъ приспособиться къ представительному режиму, какими бы преобразованіями ни пытались оживить этотъ трупъ.

Представительный режимъ отжилъ свой вѣкъ. Его исчезновеніе такъ же неизбѣжно, какъ нѣкогда было неизбѣжно его возникновеніе. Этотъ режимъ—режимъ буржуазіи. На немъ основано ея господство и онъ долженъ исчезнуть въ мѣстѣ съ ней. Мы, стремящіеся къ Соціальной Революціи, должны найти новый способъ политической организаціи, который соотвѣтствовалъ бы новому способу экономической организаціи.

Способъ этотъ уже намѣченъ. Это переходъ отъ простого къ сложному, это образованіе свободныхъ группъ, организующихся для удовлетворенія многочисленныхъ потребностей всѣхъ членовъ общества.

Современное общество идетъ уже по этому пути. Повсюду свободная группировка, свободные союзы стремятся вытѣснить пассивную покорность. Во всей Европѣ насчитываютъ уже десятки милліоновъ свободныхъ группъ; новыя возникаютъ ежедневно — и скоро всѣ отрасли человѣческой дѣятельности будутъ въ ихъ рукахъ. Наука, искусство, промышленность, даже защита территоріи, общественная безопасность и суды—все будетъ въ ихъ вѣдѣніи. Свободныя группы разростаются, и въ скоромъ будущемъ въ ихъ рукахъ будетъ все то, что прежде составляло прерогативы царя, короля и парламента.

Будущее принадлежитъ свободной группировкѣ заинтересованныхъ лицъ, а не правительственной централизаціи,—свободѣ, а не власти.

Но прежде чѣмъ намѣтить въ общихъ чертахъ организацію, которая возникнетъ изъ свободной группировки, мы должны разрушить всѣ политическіе предразсудки, живущіе и до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ.

Да здравствуетъ свободная безначальная община — анархическая коммуна!

Конецъ.

Печатаются и в скором времени выйдут:

Новомірскій. Манифест Анархистов-Коммунистов.
Зигфрид Нахт. Всеобщая стачка и соціальная революція.

Готовятся к печати:

Ж. Грав. Умирающее общество и Анархія.
А. Доль. Соціалистическіе документы.
Его-же. Новый поход противъ соціал-демократіи.
Герциг. Парижская коммуна.
Черкезов. Амстердамскій конгрес.
Крапоткин. Мораль анархизма.
Рѣчи на судѣ: Э. Анри, Этьевана, Вальяна.
Рудольф Роккер. Біографія М. Бакунина.
І. Мост. Религіозная язва.
„ Анархизм-Коммунизм.
Малатест. Анархія.
„ К крестьянам.